

Научная статья

УДК 316.356.2

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.016

Ритуальное родство как социально-философский феномен

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА КОВАЛЕВА

Гуманитарный институт Череповецкого государственного университе-
та, Череповец, Россия, gakovaleva@chsu.ru

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЕНКИН

Гуманитарный институт Череповецкого государственного университе-
та, Череповец, Россия, toni-plenkin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется ритуальное родство как особый соци-
ально-философский феномен, выполняющий функции социальной интеграции,
коммуникации и идентификации, рассматриваются основные теоретические
подходы к изучению искусственного и ритуального родства в социальной антро-
пологии и социологии. Анализируются терминологические и содержательные
различия в трактовке понятий «искусственное родство» и «ритуальное родство»,
а также обосновывается положение о том, что ритуальное родство выступает
одной из разновидностей искусственного родства. Эмпирическую основу статьи
составляют результаты авторского исследования восприятия крестного родства
молодежью, проведенного с использованием проективной методики неокончен-
ных предложений, которые подтверждают легитимность ритуального родства в
общественном сознании. На основе полученных данных демонстрируется значи-
мость ритуального родства, организующего людей в единую общность на осно-
вании ритуальных и жизненных практик.

Ключевые слова: родство; искусственное родство; духовное родство; инсти-
тут крестного родства; социальные связи.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Ковалева Г. А., Пленкин А. А. Ритуальное родство как
социально-философский феномен // Всероссийский научно-практический жур-
нал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 126–133.
doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.016.

Original article

Ritual Kinship as a Socio-Philosophical Phenomenon

GALINA A. KOVALEVA

Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets,
Russia, gakovaleva@chsu.ru

ANTON A. PLENKIN

Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets,
Russia, toni-plenkin@mail.ru

Abstract. The article analyzes ritual kinship as a specific socio-philosophical phenomenon that performs the functions of social integration, communication, and identification. It examines key theoretical approaches to the study of artificial and ritual kinship in social anthropology and sociology. The terminological and substantive differences in the interpretation of concepts of “artificial kinship” and “ritual kinship” are analyzed. It is substantiated that ritual kinship is one of the varieties of artificial kinship. The empirical basis of the article consists of the results of the author’s study of young people’s perception of godparenthood, conducted using the projective technique of unfinished sentences, which confirm the legitimacy of ritual kinship in the public consciousness. Based on the data obtained, the significance of ritual kinship is demonstrated – it unites people into a single community based on ritual and life practices.

Keywords: kinship; artificial kinship; spiritual kinship; institution of godparenthood; social ties.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Kovaleva G.A., Plenkin A.A. Ritual kinship as a socio-philosophical phenomenon. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 126–133. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.016.

Введение

Родство как социально-философская и антропологическая категория остается дискуссионным понятием в науке. Основные вопросы связаны с соотношением терминов «родство» и «семья», а также с разграничением родственных и иных социальных отношений. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном обществе родство все в меньшей степени сводится к биологическим и юридически закрепленным связям. Наряду с кровным и брачным родством сохраняют значение формы социальной близости, основанные на символическом признании, культурной норме и ритуальной практике. В этом контексте ритуальное родство представляет интерес не только как антропологический, но и как социально-философский феномен, позволяющий анализировать механизмы воспроизводства общности, солидарности и ценностной интеграции.

Степень изученности проблемы показывает, что ритуальное родство исследовалось преимущественно в рамках социальной антропологии и этнологии. Значительный вклад в разработку темы внесли Д. Шнайдер [1], А. С. Коган [2], В. А. Попов [3], Ю. Хаммель [4], Г. Альфани [5] и другие авторы. Вместе с тем в литературе сохраняются терминологические расхождения в трактовке понятий «искусственное родство» и «ритуальное родство», а их социально-философское измерение раскрыто недостаточно.

Цель статьи заключается в анализе ритуального родства как социально-философского феномена, выявлении его места в системе неклассических форм родства и обосновании его понимания как особой формы социальной связи.

Научная новизна статьи состоит в том, что ритуальное родство рассматривается не только как культурно-антропологический, но и как социально-философский феномен. Обосновывается, что искусственное родство выступает более широким понятием, тогда как ритуальное родство является одной из его разновидностей, возникающей в ходе совершения некоего ритуала, то есть, символического действия.

Основные положения статьи прошли апробацию на ряде всероссийских и международных научных конференций, что позволило уточнить отдельные теоретические и эмпирические аспекты исследования.

Историография вопроса

Впервые вопрос о существовании альтернативных форм родства, хотя и в косвенной форме, был задан в трудах К. Леви-Стросса [6], а также Э. Минца и Э. Вольфа [7]. К. Леви-Стросс, исследуя одно из бразильских племен, указал, что в данном племени между его членами существует особая «социально-политическая, интимная связь», которая имеет не меньшую значимость, чем кровное или брачное родство. Э. Минц и Э. Вольф в продолжение замечаний К. Леви-Стросса продемонстрировали, что подобные связи могут выполнять значимые социальные функции, выходящие за пределы собственно семейной сферы. Эти исследования создали предпосылки для последующего выделения искусственного родства в качестве самостоятельного объекта анализа.

В дальнейшем изучение искусственного родства сформировалось на стыке социальной антропологии, этнологии и социологии родства как реакция на ограниченность трактовки родственных связей исключительно через биологическое происхождение и брак. Существенное значение для становления данной исследовательской линии имели работы Д. Шнайдера [1], поставившего под сомнение универсальность европоцентричного понимания родства, основанного на законе крови и законе поведения (единственной формой которого выступает брак), и показавшего, что в разных культурах значимыми могут выступать иные основания социальных связей. Такой подход открыл возможность анализа форм родства, возникающих не на базе крови или брака, а в результате социальных, символических и нормативно закреплённых действий. Наработки Д. Шнайдера были впоследствии развиты Д. Карстон [8], которая выделила два концепта родства: «kinship» (родство по общности происхождения) и «relatedness» (родство как конструируемая связь).

Особое значение для анализа ритуального родства имеют работы Ю. Хаммеля [4] и Г. Альфани [5]. Ю. Хаммель, исследуя балканские общества, показал, что кровное, брачное и ритуальное родство могут сосуществовать как альтернативные социальные структуры. Г. Альфани, в свою очередь, рассматривал духовное родство как механизм формирования доверия, слабых связей и межгрупповой интеграции. Эти исследования позволяют увидеть, что искусственное родство выполняет не только символическую, но и выраженную социально-организующую функцию.

При этом в научной литературе сложилось значительное терминологическое разнообразие для обозначения подобных связей. Исследователи используют такие понятия, как искусственное, фиктивное, квази-, псевдо-, духовное и ритуальное родство, нередко употребляя их как близкие или даже синонимичные. Особенно часто смешиваются термины «искусственное родство», «духовное родство» и «ритуальное родство», что создает проблему их аналитического разграничения.

Наиболее продуктивным для демаркации различных определений представляется подход А. С. Когана [2], изучавшего отношения искусственного родства в Азии, особенно в мусульманских культурах. Согласно ему в качестве основного берется термин «искусственное родство», под которым Коган понимает «систему связей, приравняваемых к кровнородственным и устанавливаемых между лицами, не состоящими в кровном родстве» [2, с. 4]. Данная трактовка позволяет рассматривать искусственное родство как более широкую категорию, включающую различные формы социально сконструированных связей. Сам термин «искусственное родство» более других подходит на роль общеупотребимого, так как не несет определенной коннотации, как, например, «фиктивное родство» или «псевдородство». Единственное, что мы предлагаем добавить к определению А. С. Когана, это указать в концовке определения «или в брачном родстве», так как подразумевается, что альтернативные формы родства противопоставляются не только кровному, но и брачному родству.

Существенный вклад в уточнение структуры искусственного родства внес В. А. Попов [3], выделивший его основные разновидности. Так, он делил искусственное родство

на индивидуальное и коллективное, горизонтальное и вертикальное (по иерархии связей), а также на целенаправленное и ритуальное (по основанию возникновения). Нас в рамках данного исследования более интересует второй критерий классификации. Если первое родство возникает в результате осознанного установления социальных связей, то второе формируется посредством символически значимых обрядовых действий. Такой подход позволяет нам также развести понятия «искусственное родство» и «ритуальное родство», выделив первое в качестве родового понятия. Это разделение объясняется тем фактом, что далеко не все искусственно создаваемые родственные отношения можно отнести к ритуальным. Так, например, ошибочным было бы отнести к ритуальному родству такие формы, как адопция (усыновление / удочерение) и суррогатное материнство.

Также среди отечественных исследователей проблемы искусственного и ритуального родства стоит выделить И. Ю. Крецер [9], Т. А. Гурко [10], О. Н. Борисову [11], Е. А. Юрченко [12], И. В. Павлюткина и А. В. Зуеву [13], которые рассматривали отдельные аспекты этой проблематики.

Таким образом, в современных исследованиях искусственное родство рассматривается как особая форма социальной связи, возникающая вне кровного и брачного родства, но способная воспроизводить сходные механизмы близости, обязательств и интеграции. Это позволяет интерпретировать его не только как антропологический феномен, но и как значимый объект социально-философского анализа.

Ритуальное родство как разновидность искусственного родства

Ритуальное родство следует рассматривать как одну из разновидностей искусственного родства, возникающую не на основе кровного происхождения или брака, а в результате ритуала, символического действия. Основанием его возникновения выступает участие в ритуале, посредством которого между людьми устанавливаются отношения взаимных обязательств, доверия и социальной близости. В отличие от иных форм искусственного родства, ритуальное родство всегда предполагает обрядовую фиксацию связи и ее общественное признание. Также стоит отметить, что ритуальное родство имеет символическую природу, основывается на определенной идеологической или ценностной системе. При этом удивителен факт того, что, не имея под собой никаких реальных оснований для легитимизации, ритуальное родство все равно может иметь равное или даже большее признание в обществе, чем кровное или брачное родство [14–17].

Ритуальное родство имеет значимую роль в обществе. Основными его функциями выступают интегративная, связанная с укреплением общности и солидарности, коммуникативная, обеспечивающая установление устойчивых межличностных связей, идентификационная, позволяющая определить в обществе круг «своих» и «чужих», а также функция социальной адаптации, так как часто от ритуальных родственников ожидают заботы друг о друге, а также на них переносят определенные функции кровных и брачных родственников.

К формам ритуального родства обычно относят крестное родство, побратимство, молочное родство, братство по кораблю, аталычество и иные связи, возникающие в результате символически значимых действий. Так, Ю. Хаммель [4] рассматривал крестное родство как одну из альтернативных социальных структур, сосуществующих наряду с кровным и брачным родством. Г. Альфани [5] показывал, что духовное родство в европейских сообществах выполняло функции социальной интеграции и укрепляло так называемые «слабые связи». В этнографической литературе, особенно в трудах А. С. Когана [2], молочное родство описывается как форма социальной близости, возникающая через практику вскармливания, а побратимство – как связь, оформляемая специальным ритуалом взаимного братания. Аналогичным образом в исследованиях традиционных сообществ фиксируется братство по кораблю как форма солидарности, возникающая в условиях совместного символически значимого опыта.

Закрепление альтернативных форм родства в общественном сознании прослеживается не только в этнографических и социологических исследованиях, но и в литературе, где подобные связи нередко изображаются как не менее значимые, чем кровное родство. Это свидетельствует о том, что ритуальное родство выступает устойчивым культурным и социальным феноменом, укорененным в системе коллективных представлений о близости, обязательстве и принадлежности.

Легитимизация ритуального родства в общественном сознании на примере восприятия крестного родства

Для эмпирической проверки гипотезы о том, что ритуальные формы близости могут восприниматься как родство, осенью 2025 г. был проведен опрос молодежи города Череповца с использованием проективной методики неоконченных предложений. Опрос был посвящен теме взаимоотношений крестных родителей и их крестников. В исследовании приняли участие 80 респондентов: 40 студентов Череповецкого государственного университета в возрасте 18–20 лет и 40 школьников 16–18 лет, выборка типичных представителей. Анкета включала, в частности, вопросы: «Крестный/ая и крестник друг для друга, как <...>», «Когда у меня появятся дети, я бы попросил стать крестным/ой <...>», а также ситуацию выбора крестного из предложенного перечня.

Результаты показали, что более половины респондентов определили отношения между крестным и крестником через категории «семья» или «родственник». В группах школьников и студентов этот показатель оказался практически одинаковым – 52 % и 55 %. При этом значительная часть опрошенных, воспринимающих крестного как родственника, в качестве возможного крестного для собственных детей выбирала друга или подругу; наиболее частотным вариантом в обеих группах оказался «друг детства».

Каждый 5-й респондент ассоциировал крестного с «близким человеком» или «очень близким человеком». Среди них большинство при выборе из предложенного списка склонялись к родственнику, но в открытом вопросе о потенциальном крестном для своих детей также чаще называли друзей. Остальные респонденты в основном определяли крестного как «друга», лишь немногие характеризовали эти отношения как наставнические, а 3 % указали, что крестный и крещаемый являются «чужими людьми».

Полученные данные показывают, что доминирующей моделью восприятия крестного родства остается его сближение с семьей и родственными отношениями. Если учитывать также респондентов, определивших крестного как «очень близкого человека» и одновременно связывавших его с родственником, суммарная доля таких ответов достигает 66 %. Это позволяет сделать вывод, что в молодежной среде крестное родство в значительной степени воспринимается как связь, сопоставимая по значимости с кровным или брачным родством. Вместе с тем характерно, что статус семьи нередко символически распространяется и на близких друзей, в том числе через ритуал крещения. Результаты проективной методики подтверждают, что ритуальное родство воспринимается не как периферийная культурная традиция, а как социально значимая форма близости.

Заключение

Таким образом, нами было продемонстрировано особое место ритуального родства в системе альтернативных или неклассических форм родства. Мы разобрали основные теоретические подходы к изучению данной проблемы, показав, что тема активно разрабатывается научным сообществом. В то же время интерес к данной теме породил огромное количество применяемых терминов и дефиниций, что вызывает необходимость четкого разграничения понятий. В рамках статьи мы продемонстрировали, что подход В. А. Попова и А. С. Когана имеет ряд преимуществ, так как позволяет провести четкую демаркацию смежных терминов.

Также нами были выявлены ключевые характеристики и функции ритуального родства. Продemonстрировано, что оно служит, в первую очередь, интересам социальной ин-

теграции и укреплению связей между индивидами и целыми группами. Также мы указали конкретные формы, в которых может выражаться ритуальное родство. Эмпирические материалы позволили нам выявить тот факт, что категория ритуального родства получает легитимизацию в обществе, сама тема присутствует в дискурсе, как минимум, молодежном. Это говорит о том, что ритуальное родство не осталось традицией прошлого, а сохраняет силу и получает поддержку со стороны общества и по настоящий момент.

Ритуальное родство – сложный социально-философский феномен, который не должен рассматриваться исключительно с позиции антропологии и этнографии в рамках культурной традиции. Мы видим, что ритуальное родство присутствует и активно распространяется и в современном обществе. В этом смысле важной темой для дальнейшего изучения будет анализ тех оснований, по которым общество легитимизирует ритуальное родство. Важно понять, как убеждения формируют силу альтернативных форм родства и их признание со стороны общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schneider D. A Critique of the study of kinship. Ann Arbor, 1984. 208 p.
2. Коган А. И. К вопросу о происхождении и функциях искусственного родства у народов Памиро-Гиндукушского региона // История и современность. 2021. № 4 (42). С. 3–15.
3. Попов В. А. Родство искусственное // Большая российская энциклопедия. М., 2015. Т. 28. С. 590.
4. Hammel E. A. Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans. Englewood Cliffs; NJ, 1968. 120 p.
5. Alfani G. Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy. L.; N. Y., 2009. 273 p.
6. Levi-Strauss C. The Social Use of Kinship Terms among Brazilian Indians // American Anthropologist. 1943. Vol. 45, № 3. P. 398–409.
7. Mintz S. W., Wolf E. R. An Analysis of Ritual Co-Parenthood (Compadrazgo) // Southwestern Journal of Anthropology. 1950. Vol. 6, № 4. P. 341–368.
8. Carsten J. Cultures of Relatedness: new approaches to the study of kinship. Cambridge, 2000. 215 p.
9. Крецер И. Ю. Что произошло с «Родством»? (современные перспективы изучения родства в социологии и социальной антропологии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 2. С. 139–145.
10. Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008. 48 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=90> (дата обращения: 09.06.2025).
11. Борисова О. Н. Крестные и крестники в современной России: по материалам социологического опроса. М., 2022. 150 с.
12. Юрченко Е. А. Представления о крестном родстве в нарративах мирян Русской Православной Церкви: анализ интервью с нескольких приходов Ленинградской области // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (23). С. 153–167.
13. Павлюткин И. В., Зуева А. В. Сетевые исследования крестного родительства: возможности и ограничения // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 121–132.
14. Пленкин А. А. Сущность и функции обряда крещения в социологическом измерении // EurasiaScience: сб. ст. LXXIV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30–31 декабря 2025 г. М., 2025. С. 211–216.
15. Пленкин А. А. Концепция «альтернативных социальных структур» Ю. Хаммеля при изучении института крестного родства // Климентовские чтения: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф., г. Севастополь, 10–11 октября 2025 г. Севастополь, 2025. С. 96–99.
16. Пленкин А. А. Восприятие крестного родства как разновидности искусственного родства молодежью (на основе применения проективных методик) // Социология новой современности: проблемы, теория, методы: материалы Всерос. науч. конф. «XIX Ковалевские чтения», 13–15 ноября 2025 г. Иваново; СПб., 2026. С. 1269–1270.
17. Пленкин А. А. Искусственное и ритуальное родство: к вопросу о разграничении понятий // Современные тенденции развития социальных наук: сб. тез. V Междунар. моло-

дежной науч. конф. для студентов, аспирантов и молодых ученых «SocioLogos», 29 ноября 2025 г., и V Всерос. круглого стола для студентов, аспирантов и молодых ученых «СоциоДискурс», 25 октября 2025 г. М., 2026. С. 280–282.

REFERENCES

1. Schneider D. *A Critique of the study of kinship*. Ann Arbor, 1984. 208 p.
2. Kogan A.I. On the question of the origin and functions of artificial kinship among the peoples of the Pamir-Hindu Kush Oblast. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*, 2021, no. 4 (42), pp. 3–15. (In Russ.).
3. Popov V.A. Artificial kinship. In: *Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya. T. 28 [The great Russian encyclopedia]*. Moscow, 2015. P. 590. (In Russ.).
4. Hammel E.A. *Alternative social structures and ritual relations in the Balkans*. Englewood Cliffs, 1968. 120 p.
5. Alfani G. *Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy*. Leningrad, 2009. 273 p.
6. Levi-Strauss C. The social use of kinship terms among Brazilian Indians. *American Anthropologist*, 1943, vol. 45, no. 3, pp. 398–409.
7. Mintz S.W., Wolf E.R. An analysis of ritual co-parenthood (Compadrazgo). *Southwestern Journal of Anthropology*, 1950, vol. 6, no. 4, pp. 341–368.
8. Carsten J. *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship*. Cambridge, 2000. 215 p.
9. Kretser I.Yu. What happened to “Kinship”? (Modern perspectives on the study of kinship in sociology and social anthropology). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Bulletin of the Saint Petersburg University. Sociology*, 2014, no. 2, pp. 139–145. (In Russ.).
10. Gurko T.A. *Transformatsiya instituta roditel'stva v postsovetsoi Rossii: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Transformation of the institution of parenthood in post-Soviet Russia: Doctor of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 48 p. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=90> (accessed June 9, 2025).
11. Borisova O.N. *Krestnye i krestniki v sovremennoi Rossii: po materialam sotsiologicheskogo oprosa* [Godparents and godchildren in modern Russia: based on the materials of a sociological survey]. Moscow, 2022. 150 p.
12. Yurchenko E.A. Representations of godparents in the narratives of the laity of the Russian Orthodox Church: an analysis of interviews with several parishes of the Leningrad region. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii = Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (23), pp. 153–167. (In Russ.).
13. Pavlyutkin I.V., Zueva A.V. Network research of godparents: opportunities and limitations. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Scientific Result. Sociology and Management*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 121–132. (In Russ.).
14. Plenkin A.A. The essence and functions of the baptismal rite in the sociological dimension. In: *EurasiaScience: sb. st. LXXIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 30–31 dekabrya 2025 g.* [EurasiaScience: collection of articles the LXXIV International scientific and practical conference, Moscow, December 30–31, 2025]. Moscow, 2025. Pp. 211–216. (In Russ.).
15. Plenkin A.A. Concept “alternative social structures” by E. Hammel in the study of the Institute of Godfathers. In: *Klimentovskie chteniya: sb. materialov II Vseros. nauch.-prakt. konf., g. Sevastopol', 10–11 oktyabrya 2025 g.* [Klimentovskiy readings: collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference, Sevastopol, October 10–11, 2025]. Sevastopol, 2025. Pp. 96–99. (In Russ.).
16. Plenkin A.A. The perception of godparenthood as a type of artificial kinship among young people (based on the use of projective methods). In: *Sotsiologiya novoi sovremennosti: problemy, teoriya, metody: materialy Vseros. nauch. konf. “XIX Kovalevskie chteniya”, 13–15 noyabrya 2025 g.* [Sociology of the new modernity: problems, theory, methods: proceedings of the All-Russian scientific conference “XIX Kovalev readings”, November 13–15, 2025]. Ivanovo; Saint Petersburg, 2026. Pp. 1,269–1,270. (In Russ.).
17. Plenkin A.A. Artificial and ritual kinship: on the issue of delimiting concepts. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya sotsial'nykh nauk: sb. tez. v Mezhdunar. molodezhnoi nauch. konf. dlya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “SocioLogos”, 29 noyabrya 2025 g., i V Vseros. kruglogo stola dlya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “SotsioDiskurs”, 25 oktyabrya 2025 g.* [Modern trends in the development of social sciences: collection of abstracts of the V

International youth scientific conference for students, postgraduates and young scientists "SocioLogos", November 29, 2025, and the V All-Russian round table for students, postgraduates, and young scholars "SocioDiscourse," October 25, 2025]. Moscow, 2026. Pp. 280–282. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА КОВАЛЕВА – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Гуманитарного института Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, gakovaleva@chsu.ru

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЕНКИН – магистрант второго курса направления подготовки «Социология» Гуманитарного института Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, toni-plenkin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

GALINA A. KOVALEVA – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor at the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, gakovaleva@chsu.ru

ANTON A. PLENKIN – second-year master's student at the Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, toni-plenkin@mail.ru

Статья поступила 02.04.2026